

Александр Федута*Общественное объединение «Социальные технологии»*

ул. Белецкого, 40 – 119

220117 Минск, Беларусь

E-mail: feodor1964@yandex.ru

**ПОСЛАНИЕ «БУЛГАРИНУ» Е. А. БОРАТЫНСКОГО:
АВТОРСКИЕ РЕДАКЦИИ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

В статье рассматривается литературно-бытовой контекст, вызвавший различные авторские редакции послания Евгения Боратынского «Булгарину». По мнению исследователя, имеет место сознательное авторское расширение базы адресатов послания. Если в первой редакции послания (1821) единственным реальным адресатом послания является Фаддей Булгарин, то во второй редакции (1823–1826) поэт снимает посвящение послания Булгарину потому, что более актуальной в этот момент становится его полемика с другим своим близким знакомым и литературным оппонентом – Вильгельмом Кюхельбекером. Третья редакция послания (1832–1833) фактически лишена конкретного адресата, есть лишь коллективный адресат текста, что обусловлено как внелитературными (Кюхельбекер сослан за участие в восстании декабристов), так и литературными (полемика с Булгариным и Кюхельбекером перестала быть актуальной для Боратынского) причинами. Аргументы исследователя основываются на сопоставлении текстов редакций послания, а также на текстах современников поэта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Боратынский, Баратынский, Булгарин, Кюхельбекер, читатель, адресат, послание, авторская редакция, русская поэзия первой трети XIX века.

Вопрос о внетекстовой обусловленности авторского вторжения в текст известного послания Е. А. Боратынского «Булгарину» в свое время был снят с рассмотрения в силу одиозности адресата первой редакции¹. Советское и постсоветское литературоведение за немногими исключениями четко разделяло Булгарина – «случайного» попутчика декабристов (до 1825 г.) и Булгарина – агента III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии (с 1826 г.). Первым исследователем, рассмотревшим вопрос о роли Булгарина в ли-

тературном процессе первой трети XIX века без использования устоявшихся идеологических клише, был В. Э. Вацуро². Вместе с тем и для него вопроса о причинах редактирования послания Боратынского не было.

Однако уже сопоставление текстов всех трех опубликованных редакций послания показывает, что автор не ограничился элементарным изъятием фамилии ставшего оппонентом бывшего приятеля. Текст подвергся и иным корректировкам. Проследим суть этих корректировок и попытаемся сопоста-

¹ См., например: «Решение Баратынского изменить заглавие стихотворения и исключить имя Булгарина из текста связано с радикальным изменением отношения поэта к адресату послания». – ФРИЗМАН, Л. Г. Примечания. In БАРАТЫНСКИЙ, Е. А. *Стихотворения. Поэмы*. Москва, 1983, с. 606.

² См.: ВАЦУРО, В. Э. «Северные Цветы». *История альманаха Дельвига – Пушкина*. Москва, 1978, с. 21–44 и др.

вить вносимые автором изменения с литературным контекстом каждой из трех редакций³.

Первое изменение, бесспорно, связано со снятием указания на адресата:

Нѣтъ, нѣтъ, Булгаринъ! ты не правъ
[I, 1].

Нѣтъ, нѣтъ! мой Менторъ, ты неправъ
[II, 1].

Пріятель строгой, ты не прав [III, 1].

Очевидно, что редактирование идет в направлении максимально возможного снятия конкретности. В первой редакции адресат назван по имени, то есть изначально подразумевается, что послание имеет конкретный повод – определенные разногласия между Е. А. Боратынским и Ф. В. Булгариным. Во второй редакции имя Булгарина заменено на имя персонажа античного мифа Ментора – мудрого наставника, воспитателя героев. Вместе с тем греческие имена широко использовались для иносказательного обозначения реальных людей (Аристипп, Клит, Бавий и т. д.). Несмотря на очевидную ироничность в параллели «Ментор – Булгарин» (Булгарин, известный своей вспыльчивостью и отнюдь не добродетельным образом жизни, никак не подходил на роль умудренного жизненным опытом кроткого старца Ментора), текст читается в этом случае как ответ ученика учителю. Третий вариант строки, где имя Ментора заменяется указанием на «приятеля строгого», восстанавливает отношения равенства между автором и адресатом послания, снимает иронию – и одновременно включает адресата послания (уже не реальное лицо, а воображаемого читателя) в более широкий литературный контекст. Прежде всего – в контекст пушкинских произведе-

ний, в частности – романа в стихах «Евгеній Онѣгинъ»: Пушкин неоднократно подчеркивает приятельские отношения с собственным героем, а также употребляет характеристику «приятель», противопоставляя по смыслу ее характеристике «друг»:

Онѣгинъ, добрый мой пріятель⁴;
Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
С печальной Таней наш пріятель

(4, XVIII);

... Если вашимъ пистолетомъ
Сражень пріятель молодой (6, XXXIV)
Кто бъ ни будь ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу с тобой
Разстаться нынче какъ пріятель

(8, XLIX).

«Словарь языка Пушкина» толкует слово «приятель» как «человек, с которым состоят в дружеских, коротких отношениях, близкий знакомый»⁵. Одновременно на значение данного слова в тексте окончательной редакции послания Боратынского накладывает отпечаток его близость в рамках одного обращения со словом «строгой». Здесь вновь следует вспомнить о контексте употребления этого слова Пушкиным:

Но тише! Слышишь! Критикъ строгой
Повелѣвает сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой
И нашей братьѣ рѣшачамъ
Кричить... (4, XXXII)

Как будет следовать из дальнейшего текста послания, предмет спора Боратынского с «приятелемъ строгимъ» по сути своей совпадает с предметом разногласий, существующих между автором «Евгенія Онѣгина» и «критика строгого».

³ Ссылки на редакции приводятся непосредственно в тексте в квадратных скобках после цитаты с указанием римской цифрой соответственно номера редакции и арабской цифрой – цитируемой строки. Под редакцией I мы подразумеваем редакцию до июня 1821 г., под редакцией II – редакцию 1823–1826 гг., под редакцией III – редакцию конца 1832 – 1833 г. Тексты приводятся по изд.: БОРАТЫНСКИЙ, Е. А. *Полное собрание сочинений и писем*. Стихотворения 1818–1822 годов. Москва, 2002, т. 1.

⁴ Текст романа «Евгеній Онѣгинъ» цит. по изд.: *Евгеній Онѣгинъ, романъ в стихахъ*. Сочиненіе Александра Пушкина. Санкт-Петербург, 1837, с. 2. – Далее ссылки на данное издание см. непосредственно после цитаты в тексте в круглых скобках, где арабская цифра указывает на главу романа, а римская – на строфу.

⁵ *Словарь языка Пушкина*. В 4 т. Москва, 1959, т. 3, с. 790.

Следующее существенное расхождение в редакциях послания Боратынского:

*Из своеволия страстей –
Съ себя мы правилъ не слагали... [I, 5-6]
Изъ своеволия страстей
Себѣ мы правилъ не слагали... [II, 5-6]
По своеволю страстей
Себѣ мы правилъ не слагали... [III, 5-6]*

Если в тексте первой редакции «правила» – это оковы, которые можно снять с себя (сложить с себя), и предполагаемая вина автора послания и тех, от чьего имени он говорит, в глазах адресата, может состоять в попытке отказаться от этих правил, то уже во второй редакции акцент изменен: воображаемый оппонент обвиняет автора в том, что тот сложил себе новые правила. Соответственно в этом контексте меняется и содержание предшествующей, пятой строки. В первой редакции тире разделяет пятую и шестую строки, и «своеволие страстей» можно толковать как причину предполагаемого отказа от правил. Во второй редакции появляется излишняя двузначность: «своеволие страстей» выступает и как причина отказа от правил, и как новая система правил, принятая, по мнению адресата, автором. В третьей редакции Боратынский устраняет эту двузначность, заменив родительный падеж дательным и однозначно указав, что «своеволие страстей» является потенциальной причиной изменения правил.

*И за роскошные дары
Младую жизнь боготворили [I, 12-13].
И за роскошные дары
Младую жизнь благодарили
[II, 12-13; III, 12-13].*

Очевидна разница в акцентах: «боготворить» – ‘восхищаться, обожествлять’ не то же самое, что ‘благодарить’. Во второй и третьей редакции автор и его сторонники принимают дары «младой жизни» без ее обожествления.

*Во имя Вакха и Киприды
Мы пѣли нѣгу, шумъ пировъ,
Не замѣчая крикуновъ
И ихъ ревнивыя обиды.
Мы пѣли счастье дней младыхъ [I, 14-18];
Во имя лучшихъ изъ боговъ,
Во имя Вакха и Киприды
Мы пѣли счастье шалуновъ;
Сердечно презря крикуновъ
И ихъ ревнивыя обиды,
Мы пѣли счастье дней младыхъ
[II, 14-19].*

*Во имя лучшихъ изъ боговъ,
Во имя Вакха и Киприды
Мы пѣли счастье шалуновъ,
Сердечно презря крикуновъ
И ихъ ревнивыя обиды.
Мы пѣли счастье дней младыхъ...
[II, 14-19]*

Показательно, что во второй редакции появляется характеристика Вакха и Киприды как «лучшихъ изъ боговъ». (В так называемой десятой главе «Евгенія Онѣгина» рядом с ними появится еще и Марс – в характеристике декабриста М. С. Лунина. Но Марс характерен именно для декабристов, большая часть которых была профессиональными военными либо участниками Отечественной войны. Для Боратынского солдатчина – наказание, его счастье – счастье частного человека.) Там же, во второй редакции, автор меняет предмет воспевания: на смену «нѣге, шуму пировъ» в тексте приходит «счастье шалуновъ», то есть беззаботных мальчишек. Для художественного мира Боратынского это оправдано, поскольку «пир, один из ведущих мотивов его поэзии, служит у него горьким напоминанием об упущенном Золотом Веке»⁶, а в молодости вспоминать еще не о чем.

Кроме того, в приведенных фрагментах весьма существенна различная разбивка текста на предложения. В первой редакции обиженные «крикуны» присутствуют как

⁶ СЕНДЕРОВИЧ, С. Вино, похмелье и жанры романтической лирики. In *Русские пиры* (Альманах «Канун», вып. 3). Санкт-Петербург, 1998, с. 111.

незамеченное препятствие, противостоящее воспеванию автором Вахка и Киприды. Здесь характеристика «ревнивая обиды» может быть вызвана тем, что гимны автора просто более угодны богам, нежели гимны «крикунов». Но во второй редакции автор по-иному разбивает текст послания: «крикуны», отношение к которым уже меняется на презрение («Сердечно презря крикуновъ»), переходят во вторую часть предложения, и предметом их ревнивой обиды на этот раз становится воспевание «счастья дней младых». В третьей же редакции автор сохраняет характеристику, данное отношению к «крикунам» во второй, но возвращается к той причине их ревности, которая приведена в первой редакции. Таким образом, в третьей редакции этот фрагмент предполагает большую угодность богам тех гимнов, которые воссылают им «шалуны», нежели презираемые ими «крикуны».

*Душа примѣтно отцвѣтала;
Въ усталомъ сердцѣ пламень гасъ,
И за стаканомъ въ добрый часъ,
Безпечныхъ Опытность застала [I, 23-26].
Въ душѣ, больной от пици многой,
Въ душѣ усталой, пламень гасъ
И за стаканомъ, в добрый часъ
Засталь насъ какъ-то опытъ строгой*

[II, 23-26].

*Въ душѣ больной от пици многой,
Въ душѣ усталой пламень гасъ
И за стаканомъ, в добрый часъ
Засталь насъ какъ-то опытъ строгой*

[III, 23-26].

В редакциях этого четверостишия два значимых расхождения. Во-первых, во второй и третьей редакциях названа причина душевной болезни (душевной усталости) автора – «пища многая», то есть, избыток жизненных впечатлений. Второе расхождение – характеристика нового этапа жизни автора: «Опытность» в первой редакции и «опыт строгой» – во второй и третьей редакциях. Очевидно, что в третьей редакции «опыт строгой» коррелирует с обращением к адресату, названному «приятелемъ строгимъ».

*Наперсницъ нашихъ, страстныхъ дѣвъ
Мы поцѣлуи позабыли,
И предъ суровой онѣмъ въ,
Утѣхи крылья опустили [I, 27-30].
Наперсницъ нашихъ, страстныхъ дѣвъ
Мы поцѣлуи позабыли,
И предъ суровымъ оробѣвъ,
Утѣхи крылья опустили*

[II, 27-30; III, 27-30].

Помимо естественной в данном случае замены женского рода прилагательного мужским (в соответствии с заменой «Опытности» на «опытъ»), обращает внимание характеристика произведенного на автора эффекта от вступления в новый этап жизни: в первой редакции автор не имеет, лишается дара речи (поэтического дара); во второй редакции автор робеет, что вовсе не предполагает непременно молчание.

*Такъ разрѣзвившихся дѣтей,
Средь ихъ младенческихъ затѣй,
Приводить вдругъ в остолбенѣе
Со строгой важностью очей
Педанта школы появленье [I, 31-36].
Такъ разшалившихся дѣтей,
Среди веселыхъ ихъ затѣй,
Приводить вдругъ в остолбенѣе
С угрюмой важностью очей
Германца дядьки появленье [II, 31-36].*

В третьей редакции послания соответствующий фрагмент отсутствует.

Показательно, что во второй редакции вместо оценки «педантъ школы» вводится указание на национальность лица, останавливающего одним своим появлением детские шалости, – «германецъ дядька».

Наконец, последняя значимая правка текста выглядит следующим образом:

*Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ
Мы безразсудныя забавы,
Смирненно жизнь свою ведем
И ждемъ от свѣта доброй славы [I, 36-39].
Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ
Мы безразсудныя забавы,
Смирненно дни свои ведем
И ждемъ от свѣта доброй славы [II, 36-39]*

(выделено нами. – А. Ф.).

«Жизнь» перманентна и бесконечна, она не поддается исчислению, «дни» – дискретны, и их пересчет возможен, особенно тогда, когда они в тягость живущему, вынужденному отказаться от молодых «шалостей» и от воспевания Вакха и Киприды, то есть вина и любви.

Очевидно, что редактирование текста для Боратынского в данном случае – не просто снятие посвящения ставшему одиозным приятелю. Адресат-Булгарин даже в первой редакции послания не сводится к одной личности; рядом с ним возникают явно пользующиеся его сочувствием «крикуны». Позиция этой группы реконструируется довольно легко; их позитивная программа – отрицание программы автора послания, вернее, наоборот: позитивная программа автора послания сформулирована на отрицании программы «крикунов». Это означает, что «крикуны» являются сторонниками нормативной эстетики («правиль»), отрицают («нѣгу») как предмет, достойный воспевания, а вместе с ней и все, чем дорожит молодость, – («гостей веселых»), «забавы, шалости», «страстныхъ дѣвъ» и т. д. При этом характеристика «крикунов» подразумевает их приверженность «громким» жанрам (вероятно, ораторской, гражданской поэзии). Это тем более вероятно, если учесть, что в этот период первые декабристские организации (Союз Спасения, Союз Благоденствия) начинают формулировать свое отношение к литературному творчеству как к средству преобразования общества и «возбуждения» духа гражданственности. «Громкая» поэзия сродни речи оратора, причем уставом Союза Спасения его членам вменялось в обязанность произнесение пылких речей, направленных на возбуждение духа гражданственности. Не-

случайно грибоедовский Чацкий, единственным «действием» которого становится его «слово», – выразитель этой эпохи (а «крикун» Репетилов – пародия на Чацкого).

Здесь следует вспомнить, что вторая редакция послания (1823–1826) совпадает с полемикой, начатой в «Мнемозине» статьей В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Статья Кюхельбекера – манифест сторонников оды, традиционного «политического» жанра русской поэзии. Статья бьет по поэтической школе В. А. Жуковского, но под удар попадает и молодое поколение русских элегиков, в первую очередь Пушкин и Боратынский; неслучайно Кюхельбекер вынужден в заключительной ее части особо оговаривать, что «никто в России более меня не порадуется их успехам»⁷. Пушкин в четвертой главе «Евгенія Онѣгина» выводит Кюхельбекера как «критика строгаго» и, полемически утрируя, пересказывает его позицию, формально отказываясь, вместе с тем, с ней спорить. Кроме того, следует помнить, что в литературной полемике 20–30-х гг. неоднократно подчеркивалось немецкое происхождение Кюхельбекера⁸, а сам он в качестве гувернера («дядьки», «Ментора») некоторое время преподавал словесность в благородном пансионе при Главном педагогическом институте. К моменту создания второй редакции послания полемика с Кюхельбекером, близким другом, входившим наряду с Дельвигом и Боратынским в «Союз поэтов», гораздо более актуальна для Боратынского, нежели полемика с Булгариным. К тому же поводом для послания изначально не мог быть какой-то конкретный спор: Булгарин, сам жизнелюб-эпикурец, вряд ли «ревновал» бы или таил «обиду» по

⁷ Цит. по изд.: Кюхельбекер, В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. In *Декабристы. Эстетика и критика*. Москва, 1991, с. 258.

⁸ См., например, известную сатиру А. Е. Измайлова «Союз поэтов», где Кюхельбекер выведен под именем Тевтонова: *Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века*. В 2 т. Москва; Ленинград, 1933, т. 1, с. 408–409. – Ср.: «Кюхельбекер... сохранивший в выговоре явные следы немецкого происхождения, сверх того представлявший и по фигуре, и по всем приемам живой тип немца, или того, что мы называем “колбасником”...» – КОРФ, М. А. Из «Записки о Лицее». In *Писатели-декабристы в воспоминаниях современников*. В 2 т. Москва, 1980, т. 2, с. 287.

поводу излишнего увлечения Боратынского Вахмом и Кипридой.

Вольно или невольно, в воображении автора в работе над второй редакцией текста послания рядом с заявленным в первой редакции адресатом (Булгарин) появляется второй (Кюхельбекер?)⁹. Третья редакция послания создается на рубеже 1832–1833 гг., когда Кюхельбекер оказался «далече», упоминание

о нем в открытой печати становится невозможным, а скрытая полемика посвященным может показаться бестактной. В этом случае понятно, почему Боратынский очищает текст послания от малейшего намека на личность и даже отказывается от посвящения «Къ ...», поскольку наличие его предполагает реального адресата.

Aleksandr Feduta

Public Organization of Social Technologies

YE. A. BORATYNSKI'S MESSAGE
"TO BULGARIN": THE AUTHOR'S
EDITIONS AND LITERARY CONTEXT

Summary

In this article literary and everyday life context, which caused different author's versions of Yevgeny Boratynski's message "To Bulgarin", is analysed. The researcher claims that there is a deliberate enlargement of the addressees of this letter. While the only real addressee of the first edition of the message (1821) is Faddey Bulgarin, in the second edition (1823–1826) the poet abolishes his dedication to Bulgarin because at that time polemic with his another acquaintance and literary opponent Wilhelm Küchelbecker becomes more actual. The third edition of the message (1832–1833) practically has no concrete addressee on account of both non-literary (Küchelbecker was exiled for his participation in the armed insurrection) and literary (polemic with Bulgarin and Küchelbecker have cease to be actual for Boratynski) reasons. The researcher's arguments are based on comparative analysis of different editions of the message and examinations of texts written by poet's contemporaries.

KEY WORDS: Boratynski, Baratynski, Bulgarin, Küchelbecker, reader, addressee, letter, message, author's edition, Russian poetry of the XIX century.

Aleksandras Feduta

Visuomeninis susivienijimas

„Socialinės technologijos“

E. A. BORATYNSKIO LAIŠKAS
„BULGARINUI“: AUTORIAUS
REDAKCIJOS IR LITERATŪRINIS
KONTEKSTAS

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjamas literatūrinis ir buitinis kontekstas, paskatinęs E. Boratynskį kurti skirtingas laiško „Bulgarinui“ redakcijas. Tyrinėtojo manymu šiuo atveju susiduriame su sąmoningu autoriaus noru padidinti laiško adresatų skaičių. Pirmosios laiško redakcijos (1821) vienintelis adresatas yra Fadejus Bulgarinas, antroje laiško redakcijoje (1823–1826) autorius nuima prieskyrą Bulgarinui, nes tuo metu jam kur kas aktualesnė atrodė polemika su kitu artimu pažįstamu ir literatūrinio oponentu Vilhelmu Kiuchelbekeriu. Trečioji laiško redakcija (1832–1833) faktiškai neturi konkretaus adresato, yra tik kolektyvinis teksto adresatas. Tai lėmė ir neliteratūrinės (Kiuchelbekeris ištremtas už dalyvavimą dekabrystų sukilime), ir literatūrinės (polemika su Bulgarinu ir Kiuchelbekeriu tapo neaktuali Boratynskiui) priežastys. Tyrinėjimo argumentai grindžiami lyginamąja redakcijų analize, taip pat poeto amžininkų tekstų analize.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: Boratynskis, Baratynskis, Bulgarinas, Kiuchelbekeris, skaitytojas, adresatas, laiškas, autorinė redakcija, XIX a. pirmosios pusės rusų poezija.

Gauta 2003-03-12

Spaudai įteiktas 2003-09-17

⁹ В сознании Боратынского послание «Булгарину» легко трансформируется в послание «Кюхельбекеру» еще и потому, что оба адресата в этот период актуализируются чисто биографически почти одновременно: 19 июня 1824 г. Боратынский и Бестужев у Рыльева обсуждают скандальную историю несостоявшейся дуэли Булгарина с Дельвигом, а 23 июня выходит вторая книжка альманаха «Мнемозина» с программной статьей Кюхельбекера. 24–25 января 1825 г. Боратынский направляет письмо Кюхельбекеру по поводу другой его статьи – «Разговора с Ф. В. Булгариным», опубликованной в третьей книжке «Мнемозины», – это происходит уже после того, как разногласия с Булгариным вылились в знаменитый памфлет «Литературные призраки», в котором Булгарин вывел Боратынского под именем «Неучинского». (См.: ПЕСКОВ, А. М. (сост.). *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского*. 1800–1844. Москва, 1998.)